

УДК 82.0 (470.661)

ББК 83.3 (2=Чеч)

Т 50

Товсултанова Д.С.

Ассистент кафедры литературы и методики ее преподавания Чеченского государственного педагогического института, e-mail: djema-88@mail.ru

**Выражение открытой авторской позиции в осмыслении
приоритетных принципов чеченского национального характера
(на материале публицистики Мусы Ахмадова)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются особенности выражения открытой авторской позиции на материале публицистики Мусы Ахмадова. Анализируются основные принципы чеченского национального характера и типы их воплощения в тексте как способы воссоздания национальной картины мира. Показано, что публицистические приемы и методы служат цели актуализации материала традиционной этики и культуры. Выясняется, что публицистический компонент оказывается наиболее востребованным в кризисные моменты национальной истории.

Ключевые слова:

Художественная публицистика, чеченское традиционное общество, фольклорные тексты, национальный менталитет, документальность, лиризм, эссеистика.

Tovsultanova D.S.

Assistant Lecturer of Department of Literature and Technique of its Teaching the Chechen State Pedagogical Institute, e-mail: djema-88@mail.ru

**Expression of an open author's position in judgment
of the priority principles of the Chechen national character
(as shown by journalistic works of Musa Akhmadov)**

Abstract:

The paper sheds light on features of expression of an open author's position on the basis of journalistic works of Musa Akhmadov. An analysis is made of the basic principles of the Chechen national character and types of their embodiment in the text as ways of a reconstruction of a national picture of the world. The journalistic methods serve the purpose of actualization of traditional ethics and culture material. It is inferred that the journalistic component is the most demanded at the crisis moments of national history.

Keywords:

Fiction journalism, Chechen traditional society, folklore texts, national mentality, documentation, lyricism, essays.

Феномен художественной публицистики представляет собой явление уникальное по своей полифункциональности, синтетичности (и, одновременно, аналитичности) содержания и формы. Она включает в себя такие типы общественного сознания и их элементы, как идеология, наука, культура. Книга Мусы Ахмадова «Чеченская традиционная культура и этика» по своей сути и по форме, на первый взгляд, ближе всего, пожалуй, к формату учебного пособия. Вместе с тем материал этого издания содержит величайший публицистический потенциал. Поэтому неспроста в последующий период вышли в свет созданные на основе этой книги публикации в центральной печати и электронных изданиях: «Предания, исполненные благородства» («Дружба народов», 2009, №5 zhz@russ.ru) и «Взаимосвязь чеченской народной культуры с природой и трудовой деятельностью». [ислам] © Портал-Credo.ru 2002-1 «Каждое художественное произведение, чему бы оно ни было посвящено, – исследованию мира или человека, общества, его исторических судеб, неизбежно создает свой художественный мир, в котором существует собственная система координат художественного времени и пространства» [1: 100].

Чеченское традиционное общество изначально было предельно «жестким» при оценке человека, рассматривая, прежде всего, соответствие его поведения нравственным нормам. При этом не принимались во внимание ни прежние заслуги, ни громкое имя, ни способности. Все эти достоинства в глазах чеченцев могли быть обесценены и уничтожены одним недостойным поступком. Имя, известное всей стране, на глазах всей же страны могло пасть из-за одного-единственного проступка. Причем позор обрушивался не только на самого человека, но распространялся и на его родных, родичей, односельчан и семь поколений потомков» [2].

Муса Ахмадов подчеркивает: «наличие столь высоких требований приводит

ло к тому, что в традиционном чеченском обществе каждый старался не допустить ни малейшей оплошности. Нравственные обязательства, подобно ремню, опоясывали человека, держали его в постоянной готовности к совершению хороших дел и отстаиванию справедливости. Поэтому самые достойные мужи даже ночью не снимали пояса и постоянно держали наготове скакуна» [2]. Осознание того, что никто не придет на помощь и не поможет подняться после падения, вызванного подчас вполне естественным желанием элементарного удобства для себя, — заставляло сохранять постоянную бдительность.

Излагая либо цитируя фольклорные тексты, Муса Ахмадов в этих своих переложениях остается очень бережным по отношению к исходному фольклорному материалу, в то же время он вносит в него, либо выделяет в нем дополнительный глубокий смысл, называя своими именами те вещи, которые в чеченском фольклоре и системе этикета только подразумевались, а зачастую и табуировались. Это является безусловным новаторством Мусы Ахмадова, вызванным, на наш взгляд, именно нетипичным для исконно чеченского менталитета, этнопсихологии, стремлением к публицистической открытости, искренности, откровенности и прямоте: «Смерть достойного мужа, как и его жизнь, должна была служить возвышенной и благородной цели. Как бы благородно ты ни жил, недостойная смерть могла перечеркнуть все прежние заслуги и «уронить» в глазах людей заслуженное имя. Поэтому человек должен беречь чистоту своего имени до самой смерти, после чего эта обязанность переходила к его потомству» [2].

Писатель вполне объективен и справедлив по отношению к особенностям национального характера собственного народа, он нигде не прибегает к идеализации, определяя и существующие недостатки, но специально подчеркивая важность выраженной в фольклоре и

системе этических норм способности к принципиальной критике и самокритике: «В чеченском обществе наибольшей степенью возвышения человека было славное имя, которым награждал его народ. Конечно, были и те, кто распускал различные слухи об известных мужах, желая им зла и стараясь доказать, что они пользуются незаслуженной славой. Об этом говорит народная пословица: «Высокий дуб страшен». Однако никто не вправе отказаться от соблюдения норм нравственности из опасения людских сплетен. «Золото не потеряет цену, сколько ни валяй его в грязи», – говорит другая чеченская народная поговорка» [2]. Способность к обличению в малых жанрах чеченского фольклора высокомерия, жажды славы, и других негативных качеств, специально выделенное здесь Мусой Ахмадовым, свидетельствует о нравственном здоровье народа. Писатель-аналитик рассматривает многие стороны истории и культуры Чечни в сравнительно типологическом плане, в сравнении с другими этносами.

Многие ограничения по возрастному и гендерному признакам, которые могут на первый взгляд показаться избыточными, Муса Ахмадов мотивирует глубокими этно-психологическими причинами обоснованного регулирования моделей поведения. Отметим также, что автор, обладая истинно публицистическим в его комплексе даром, умеет убедить читателя в целесообразности, глубокой обоснованности, глубокой духовной и ментальной сути тех или иных чеченских национальных обычаев и обрядов: «У всех народов известно почитание старших. Но не у всех народов существует обычай, согласно которому нельзя пересекать дорогу старшему. «Не пересекать дорогу» – понятие довольно своеобразное. От того, что мы пройдем перед идущим вдалеке человеком, ему не будет никакого вреда и путь его «не прервется». Поэтому этот обычай есть не что иное, как проявление уважения к пожилому человеку, оказание чести

ему самому и его возрасту. Это, безусловно, красивый обычай» [2].

Можно отметить, что до сих пор, к большому удовлетворению, это правило (как и многие подобные) соблюдается у большинства народов Северного Кавказа, и молодежь не ощущает их обременительными для себя, воспринимая их поистине «с молоком матери», невзирая на нивелирующее влияние процессов глобализации. Писатель справедливо отмечает: «Надо сказать, что общие для многих народов обычаи – такие как, скажем, почитание старших, – чеченцы усложнили для себя, придали им большее значение и сделали их обязательными для соблюдения. Одна из особенностей нашей народной культуры – в соблюдении правил приличия и обычаев не допускаются послабления, а, напротив, требуются максимально возможное усердие и тщательность» [2].

Муса Ахмадов выступает гарантом сохранности чистоты, последовательности и скрупулезности в отношении исполнения некоторых правил, понимая, что они не являются излишними, навязанными свыше, и откровенно и убедительно высказывает свою позицию, свою точку зрения, не склоняясь ни к каким компромиссам. Леонид Теракопян, проанализировавший в статье «Уроки чеченского» повесть Мусы Ахмадова «Дикая груша у светлой реки», пишет: «Психологическая аналитика Мусы Ахмадова пульсирует в такт публицистике» [3]. Определение публицистичности произведений возможно при выяснении соотношения в них художественного и публицистического начал, в соотнесении их с авторским замыслом, в рассмотрении творческого метода художника, в постановке и характеристике каждого конкретного произведения в соответствии с общей мировоззренческой позицией писателя.

Чтобы показать, насколько большее место в жизни чеченцев занимали традиционная этика и культура, писатель активно использует произведения народно-

го коллективного творчества. Строгой документальности, выраженной в публицистике, не противоречит лиризм как проявление индивидуального чувства. Сердце и разум, чувство и мысль, «поэзия и правда» – эти бинарные оппозиции существуют в информационно-эстетическом пространстве научно-публицистического текста. Автор комментирует приведенную фольклорную цитату следующим образом: «В этом отрывке лошади и собаки изображены обладающими человеческими нравственно-этическими качествами. Настолько высокие требования предъявлялись к культуре чеченского дома, что ее нормы должны были соблюдать и домашние животные» [2].

Затем писатель в связи с вышесказанным цитирует одно из стихотворений своего духовного предшественника и учителя Ахмада Сулейманова: «От волка и вора отличить гостя//Обучен чеченский пес,//Издали выйдя навстречу, ласкаясь,//Он нам указывает дорогу». С этими цитатами перекликается мысль Р.У.Эмерсона: «Когда человек падает, природа поднимается и служит своеобразным термометром, определяя наличие или отсутствие в человеке святости. Из-за своего уныния или эгоизма мы смотрим природе в глаза, а когда мы выздоравливаем, - она смотрит в наши. («Man is fallen; nature is erect, and serves as a differential thermometer, detecting the presence or absence of the divine sentiment in man. By fault of our dullness and selfishness, we are looking up to nature, but when we are convalescent, nature will look up to us») [4: 340].

Еще более удивительную картину Муса Ахмадов обнаруживает в одной народной сказке. «В ней нравственно-этическим сознанием наделен дракон, который свернулся вокруг единственного сельского родника и не давал сельчанам набрать воды без того, чтобы ему не выдавали по одной юной девушке. Но он дважды беспрепятственно позволяет набрать воду юноше из другого края. Когда юноша уходил, в третий раз набрав воду, дра-

кон сказал ему: «Поскольку ты гость, соблюдая приличия, я не тронул тебя, когда ты трижды пришел за водой, но больше не приходи. Появишься еще раз — живым не уйдешь». Писатель не комментирует эту притчу, поскольку заложенный в ней смысл очевиден, и способы выражения его яркие, эффектны, убедительны. Два основных принципа утверждаются в этой сказке – внимание и уважение к гостю и необходимость осознания чувства меры. Вместе с тем писатель делает глубокий вывод обобщающего нравственно-философского характера: «Эти примеры показывают, что чеченский народ главный смысл существования видел не в том, чтобы увеличивать материальные богатства, или воздвигать каменные города, или завоевывать земли других народов, а в том, чтобы заниматься дозволенным трудом на своей земле и жить в соответствии с нравственно-этическими ценностями» [2].

Главное различие публицистичности и эссеистичности, на наш взгляд, складывается из того, что публицистика больше обращена к сегодняшнему, а эссеистика - к вечному. Писатель в духе традиционной поэтики прибегает в своей речи к сравнениям, иносказаниям, аллегориям, очень хорошо понимая, какой воспитательно-публицистический потенциал имеют эти исконные средства художественной выразительности: «Чеченскую народную этику и культуру, образно говоря, можно сравнить с высокой башней. Она потому вознеслась столь высоко, что каждое новое поколение добавляло в нее свой камень. Фундамент этой башни – уважение к человеку, которое является нравственной ценностью у всех народов. Но в некоторых обществах права человека напрямую зависели от его принадлежности к той или иной социальной группе. Например, в рабовладельческих государствах – назовем, хотя бы, Древний Рим – всеми правами пользовались лишь аристократы, а эксплуатируемые имели прав не больше, чем животные. Или другой,

более близкий пример. В России крепостное право существовало до 60-х годов девятнадцатого столетия. Согласно этому «праву», владельцы своих крестьян могли продавать, менять на собак или что-нибудь другое, по собственному желанию подвергать их наказаниям... В чеченском же обществе, которое не знало подобного социального деления, любой человек, будь он беден, увечен, происходил ли из маленького тайпа, – имел равные права со всеми, а уважение к нему и положение в обществе определялись его собственной культурой и личными достоинствами» [2].

Использование методов и приемов теоретической поэтики не исключает выявления историко-культурной, философской, нравственно-психологической, информационной, научной природы публицистической прозы. Данное произведение Мусы Ахмадова дает для этого богатейший материал. Его автор выступает здесь в качестве этнолога, психолога, философа в области этики: «Категорически не дозволялось порочить человека словесно, действием и любыми другими способами. Позором, в большинстве случаев смываемым только кровью, считалось, если с мужчины срывали шапку или пояс, прикосновение к женщине и другие подобные действия. Причем словесное оскорбление расценивалось наравне с насилием, произведенным при помощи оружия. Поэтому любой человек держал данное слово и даже в разговоре со своим врагом избегал грубых слов и оскорблений». Муса Ахмадов подчеркивает: «То, что в последние годы по телевидению можно услышать чересчур неприличную, а подчас и просто неприличную речь, – нельзя расценивать иначе, как свидетельство ослабления нравственных устоев нашего народа» [2].

Мысль, выраженная в публицистическом произведении, всегда эмоционально окрашена. Художественная идея – это сплав обобщений и чувств, который В.Г. Белинский назвал пафосом. Это сближает

с искусством публицистику, эссеистику, мемуары. Художественно-публицистические идеи (концепции) отличаются от научных, философских их местом и ролью в жизни человечества. Обобщения художников, писателей, публицистов нередко предваряют дальнейшее миропонимание общества. Так, Муса Ахмадов с огромным сочувствием пишет о том, что в прошлом чрезвычайно высоко ценилась чеченцами и человеческая жизнь, поэтому «в случаях непреднамеренного убийства из многих селений собирались люди, чтобы просить прощения для виновного. Обнажив головы и став на колени, они просили прощения для него. Самого же кровника, на котором была вина за пролитую кровь, приносили на погребальных носилках, завернутого в саван. Что означало следующее: «Этот человек глубоко раскаялся в содеянном, отныне прелести этого мира утрачены для него и он подобен мертвому, хотя душа и не покинула его. Поэтому освободите его от вины» [2].

Всякая культура имеет средства, выделяющие литературные произведения на фоне нелитературных. В разрезе наблюдения той или иной системы средств не менее сильным эстетическим стимулом, катализатором являются и ее нарушения, отклонения от стандарта – в интересующем нас контексте разного рода пограничные явления между собственно литературой и публицистикой. Публицистический текст может иметь не только фактологический, но и образный строй. Писатель-публицист, размышляя над особенностями религиозного и традиционно-этнического миропонимания, в стилистике своего публицистического, эссеистического повествования испытывает явное влияние этих источников, как философское, так и художественное. Муса Ахмадов в своем изложении этнографического либо фольклорного материала, казалось бы, внешне совсем нейтрален, беспристрастен. На самом деле в глубине смысла этого произведения скрыто неравнодушие, местами даже страстность писателя-публициста.

Примечания:

1. Степанова Т.М., Зухба С.Л. Д.С. Лихачев о фольклорной модели мира в древнерусской литературе // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 97-103.
2. Ахмадов М.М. Предания, исполненные благородства // Дружба народов. 2009. № 5
3. Теракопян Л. Уроки чеченского // Дружба народов. 2008. № 9.
4. Emerson R.W. *Natura. Selections.* Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.

References:

1. Stepanova T.M., Zuhba S.L. D.S. Likhachev on the folklore model of the world in the Old Russian literature // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Iss. 1. P. 97-103.
2. Akhmadov M.M. The legends full of nobleness // Druzhba narodov. 2009. No. 5
3. Terakopyan L. The lessons of the Chechen language // Druzhba narodov. 2008. No. 9.
4. Emerson R.W. *Natura. Selections.* Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1990. P. 300-352.